

ЦАРЬ
РУССКОЙ
ОПЕРЫ

ЛЕВ
НИКУЛИН



ФЕДОР
ШАЛЯПИН

Лев Вениаминович Никулин
Федор Шаляпин.
Царь русской оперы
Серия «Русская история»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69275542

Федор Шаляпин. Царь русской оперы: Родина; Москва; 2023

ISBN 978-5-00222-026-7

Аннотация

Перед вами главная книга о главном русском певце, 150-летний юбилей которого мы празднуем в этом году. Не поняв и не полюбив Шаляпина, невозможно понять Россию. Писатель Лев Никулин не только рассказывает о жизни Шаляпина, но и раскрывает феномен великого певца, ставшего сокровенным голосом народа. В этой книге собраны не легенды, не слухи, а документальная правда из первых уст. Взлет Шаляпина, секреты его актерского мастерства, лучшие роли великого мастера – все это есть в книге, которую вы держите в руках.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Маска и душа Шаляпина	5
«Вся сила в интонации»	9
«Как русский страус будет петь»	13
Народный артист республики	16
«Живи я сейчас в России...»	19
Голос человека	23
Он пришел	27
Конец ознакомительного фрагмента.	45

**Лев Вениаминович
Никулин
Федор Шаляпин.
Царь русской оперы**

© Никулин Л., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

Маска и душа Шаляпина

Фёдор Шаляпин – голос России, который невозможно ни заглушить, ни забыть. Он богат на оттенки, как богата резкими поворотами судьба всемирно известного артиста, который всегда понимал, что на сцене важна не только маска, но и душа.

Стояли морозы. Его крестили в огромном холодном казанском Богоявленском соборе. Церковный писарь торопился и с ошибкой записал фамилию младенца в метрическую книгу: «Шаляпкин». В детстве его учили сапожному делу, но главное – мальчик пел в церковном хоре, и местный регент научил его нотной грамоте.

Отец – крестьянский сын, но не из крепостных, а из государственных – служил писцом в уездной земской управе. Там же, среди чернил и скрипучих перьев, начал зарабатывать на хлеб и будущий певец. Он не забывал о пении – и в 15 лет попытался поступить в хор казанской оперной труппы. Но у него ломался голос – и Шаляпин не прошел строгий отбор. Вместо него взяли окающего парня, будущего писателя Максима Горького, который задержался в театре ненадолго. Через несколько лет они подружились – и так часто со смехом вспоминали этот случай, что друзья сомневались – правда сие или байка.

Вскоре после того провала Шаляпин поступил статистом

в драматическую труппу, вместе с которой он кочевал по городам и весям. Он выступал и в драматических, и в оперных спектаклях. Хотя порой будущему миллионщику приходилось работать и грузчиком. Он почти не учился вокалу. Только в Тифлисе, куда его на год занесла актерская судьба, Шаляпину давал уроки знаменитый певец Дмитрий Усатов. «Тифлис оказался для меня чудодейственным», – вспоминал Шаляпин. Там он стал басом-премьером.



Фёдор Шаляпин

«Вся сила в интонации»

Первым по-настоящему поверил в Шаляпина Савва Мамонтов – меценат и промышленник, настоящий знаток искусства. В «Частной русской опере» – в том здании, где в наше время располагается московский театр оперетты – Шаляпин за несколько лет превратился в настоящую звезду, показав себя в самом эффектном репертуаре. О нем уже слагали легенды, и ходили в мамонтовскую оперу именно «на Шаляпина». У Мамонтова он разбил в черепки всю сценическую конъюнктуру. И, по существу, создал феномен русской исторической оперы. Шаляпину было, на что опереться. Уже существовали музыкальные полотна Модеста Мусоргского, Николая Римского-Корсакова, Александра Даргомыжского. Певец вдохнул в их оперы жизнь, наполнил их своим темпераментом, лукавством, расцветил характеры. Плечистый, ростом под два метра, не необыкновенно пластичный актер иногда находил ключ к роли в необычном жесте, в походке героя. «Такие люди являются для того, чтобы напомнить всем нам: вот как силён, красив, талантлив русский народ! Вот плоть от плоти его, человек, своими силами прошедший сквозь терния и теснины жизни, чтобы гордо встать в ряд с лучшими людьми мира, чтобы петь всем людям о России, показать всем, как она – внутри, в глубине своей – талантлива и крупна, обаятельна», – писал о нем Горький.

Шаляпин не поражал трубной мощью вокала. Для русской традиции его голос был высоковат для баса. Но всё это не имело значение, когда артист выходил на сцену. Он умел и вполголоса петь так, что зал замирал от ощущение чуда. Это – чудо актерской подлинности, которого он сознательно добивался, создавая свои образы – штрих за штрихом. «Холодно и протокольно звучит эффектная ария, если в ней не разработана интонация фразы, если звук не окрашен необходимыми оттенками переживаний», – говорил певец.

Он, прежде всего, был артистом. И не случайно Константин Станиславский создавал свою «систему», взяв за образец мастерство Шаляпина. Он достиг неповторимой манеры. Иногда шептал. Иногда пел, не разжимая губ, подвывал – если это помогало раскрыть героя или глубину романса. И – покорял публику.

А началось с того, что молодой солист Мамонтовской труппы получил роль пушкинского Мельника в «Русалке» Даргомыжского. Легкомысленный князь погубил его дочь – и старый Мельник сходит с ума. Шаляпин долго разучивал партию, несчастный старик не давался ему. Помог драматический актер Мамонт Дальский. Он попросил Шаляпина не спеть, а прочитав вслух пушкинские стихи. И, выслушав певца, сделал замечание: «Ты говоришь, как мелкий лавочник, а Мельник – мужик степенный, у него же мельница, угожья». «Меня как иголкой прокололо замечание Дальского! Стыдно стало, но я понял – в интонации, в окраске слова и

фразы – вся сила пения», – рассказывал Шаляпин. Он нашел суть образа: трагическое безумие сильной личности. Таким и пел Мельника – с небывалым успехом. Эта роль на десятилетия стала для него одной из коронных.

Не менее ярким получился Еремка из оперы Александра Серова «Вражья сила». Сложная фигура! Обаятельный, но эгоистичный, даже коварный. Удадь, хитрость, ощущение трагедии – всё это есть в Еремке. И диапазон настроений – от смирения до мордобоя. Многие недюжинные таланты пели эту партию, но даже после несовершенной (по техническому качеству) записи Шаляпина слушать других исполнителей песни Ерёмки трудно. Только он мог спеть виновато и в то же время разгульно; «Широкая Масленица! С головою похмельною, да с носами разбитыми...».

А ключ к характеру Ивана Грозного в «Псковитянке» Николая Римского-Корсакова Шаляпин нашел, научившись с особой вкрадчивостью пропевать одну фразу: «Войти аль нет?» В ней – и непредсказуемость Грозного, и его лицедейская натура.

От Грозного – один шаг к другому ключевому шаляпинскому образу – Мефистофелю. Он пел его в двух разных операх – Шарля Гуно и Арриго Бойто. Куда-то ушла волжская стать певца – и на сцену вышел высокий, но худощавый дух лжи, настоящий искуситель. От его цинизма, от его насмешек брала дрожь. Он перевоплощался с такой силой, что, не будучи религиозным человеком, после представлений «Фа-

уста» ходил в церковь и исповедовался.

«Как русский страус будет петь»

О шаляпинских талантах слагали легенды. Он и рисовал, и работал с гримом не хуже профессионалов. А нередко блистал и литературными способностями. Он перевел на русский язык серенаду Дон-Кихота из одноименной оперы Жюль-Массне. Но лучше всего ему удавались остроумные стихи «на случай», в том числе – эпиграммы на самого себя. В 1902 году его впервые пригласили на родину оперы – в Италию, на выступления в знаменитом театре «Ла Скала». В то время русских оперных певцов почти не знали в Италии – и гастроль Шаляпина воспринималась как сенсация. Журналисты непременно упоминали, что у русского баса жена – итальянка. Но часть миланской клаки, оскорбленная, что в Италию выписали русского солиста, готовилась освистать Шаляпина. Он знал об этом – и послал своей московской знакомой шуточные стихи, в которых сквозил тревога:

Я здесь в Милане – страус в клетке.

В Милане страусы так редки.

Милан собирается смотреть,

Как русский страус будет петь.

Давали «Фауста» Бойто. Шаляпин пел Мефистофеля, знаменитый тенор Энрико Карузо – Фауста. С первой реплики публика приняла Шаляпина. Впечатлял и его костюм –

странное трико, пошитое в Москве, по эскизу самого певца. Итальянцы к таким костюмам не привыкли, как говаривал Шаляпин, они всё пытались «дьявола сыграть в пиджаке». Достаточно было походки, которую он придумал для своего черта, чтобы миланцы признали в этом русском большого актера. Дебют прошел удачно, хотя Шаляпин привык к более шумному успеху. Но вскоре он спел в «Ла Скала» Мефистофеля в опере Гуно, царя Бориса и Грозного в «Псковитянке» – и звание Солиста короля итальянского, полученное в 1912 году, подтвердило его репутацию. Впрочем, к тому времени Шаляпин уже покори́л весь мир – и даже в тех странах, где он не гастролитовал, русского певца, по легендам, считали образцом баса.

Он приучил Европу к русскому романсу и к народной песне. Его взлетом в этом жанре стало «Сомнение» Михаила Глинки и стихи Нестора Кукольника – «Уймись, волнения страсти...» Казалось, что он не поет, а рыдает – при этом передает всю глубину глинковской мелодии, все ее переливы.

Притчей во языцех стала практичность Шаляпина. Он не забывал своего казанского детства и умел считать деньги. Не любил заниматься благотворительностью, постоянно заботился о выгодных контрактах и старался не платить налогов. Зато пристрастился жить по-барски, в замечательном особняке на Новинском бульваре со спуском к речке Пресне. Говорят, что, когда Николай II подарил ему золотые часы, Шаляпин огорченно пожал плечами: он уже привык но-

сильнее дорожие. «Бесплатно только птички поют», – эту ироническую шаляпинскую поговорку в актерском мире до сих пор помнят все. В то же время, он с удовольствием – и, конечно, бесплатно – пел в кругу друзей. Такие домашние и дачные концерты певец ценил, считал, что там, среди музыкантов, писателей и художников – он только и поет по-настоящему.

После спектакля, ужина в ресторане с друзьями, Шаляпин имел обыкновение рисовать – на листках бумаги, на манжетах, а иногда и на скатертях. Многие заведения десятилетиями гордились, что у них остались шаляпинские автографы. Но однажды в Праге хозяйка заведения не узнала знаменитого певца и, когда он собрался уходить, потребовала заплатить за «испорченную» скатерть. Шаляпин дал ей 10 крон, но и скатерть захватил с собой. Пока певец ждал такси, ей объяснили, что эту «мазню» можно было выставить на самое видное место – и это была бы самая лучшая реклама для ее кабачка. Хозяйка догнала Шаляпина и с извинениями протянула ему 10 крон. «Простите, мадам, но эта вещь стоит 50 крон». Что делать? Пришлось ей заплатить эту сумму. Шаляпин твердо знал: деньги счет любят. Он не гнушался выступать и на званых вечерах, развлекая жующих гостей какого-нибудь миллионера. А иначе большого состояния не сколотить.

Народный артист республики

Любимец публики в те годы обязан был быть вольнодумцем, сочувствовать подпольщикам. А Шаляпин еще и с молодых лет дружил с «буревестником революции», Горьким. Писатель то и дело буквально принуждал прижимистого артиста материально помогать то большевикам, то эсерам. Правда, в политических сходках и митингах Шаляпин не участвовал. Но «Дубинушку» пел ярко, с пониманием каждого слова этой русской бунтарской песни. А какие многозначительные паузы держал:

Но настанет пора и проснется народ,
Разогнет он могучую спину,
И на бар и царя, на попов и господ
Он отыщет покрепче дубину.

Мало кого удивило, что после свержения самодержавия он, вспомнив традиции Французской революции, написал песню во славу свободу – и стихи, и музыку:

К оружию, граждане, к знаменам,
Свободы стяг нести вперед!
Во славу русского народа,
Пусть сгинет враг, пусть враг падет.

Шаляпин много пел и при Керенском, и при большевиках. В белогвардейской прессе о нем писали презрительно. Ему благоволил нарком просвещения Анатолий Луначарский. Ученик сапожника, ставший первым певцом мира – такого человека большевики не могли не ценить. Специально для великого певца неутомимый наркомпрос учредил звание народного артиста республики. Назначил его художественным руководителем оперы Большого театра, а заодно и директором Мариинского театра. Впрочем, в революционной суматохе должности мало что значили. Но Шаляпину даже позволили жить в собственном доме! И все-таки Луначарский прекрасно понимал, что обнищавшая Россия неспособна платить певцу на мировом уровне. А певческое время уходило, ему шел 50-й год! Еще несколько лет – и заработать приличные деньги артист уже не сумеет... В начале 1921 года Шаляпин попросился на гастроль в Штаты, где ему предлагали фантастические гонорары. Вопрос решался на самом высоком уровне.

Наркомы постановили отпустить товарища Шаляпина на гастроль в США с условием выплаты половины заработанных долларов в советскую казну. В июне 1922 года он снова отправился на американские гастроли – как советский певец. На этот раз его путешествие по Штатам и Европе затянулось, но каждый месяц он заглядывал в советское посольство и отдавал часть заработков – как обещал. Ему рукоплескал мир, но русская эмиграция всё еще относилась к «крас-

ному басу» без пиетета. Всё изменил один случай: Шаляпин отдал небольшую сумму на помощь русским детям, детям эмигрантов. В СССР это вызвало бурю: как же так, наш певец поддерживает белогвардейцев. 24 августа 1927 года Совнарком снял с Шаляпина звание народного артиста республики, а вскоре лишил и советского гражданства. Владимир Маяковский бушевал: «Вернись теперь такой артист назад на русские рублики – Я первый крикну: – Обрати катись, народный артист Республики!» А певец держался гордо, выпрашивать прощения не стал.

«Живи я сейчас в России...»

Он тосковал по Родине, в каждом концерте непременно пел по-русски, в какой бы стране ни выступал. Шаляпин уже тяжело болел, когда ему довелось посмотреть советский фильм «Петр I». Он увидел знакомые места – дворцы, музейные залы, увидел Неву. И актеры играли превосходно. Он произнес: «А все-таки жива Россия».

Много лет Шаляпин писал мемуары. Сначала с помощью Горького, потом почти самостоятельно, при участии журналиста Соломона Полякова-Литовцева. Писал и наговаривал историю своей жизни с той же неумной силой, с какой пел. Субъективно и страстно, с бурными фантазиями. Он хотел, чтобы получилась «биография моей души и моего искусства». Шаляпин так и назвал книгу – «Маска и душа». Ее сразу перевели на несколько европейских языков, выпускали и в СССР, правда, после смерти певца. Это и сегодня – классика жанра.

Говорили, что Шаляпин, как в сказке, трижды разорвался, начинал с нуля – и трижды ему удавалось снова схватить за хвост птицу счастья. Свой голос он не берег никогда. Любил ухарство напоказ – это воспринимали как часть шаляпинского образа, который ухватили художники – Борис Кустодиев, Валентин Серов. Певец смолит папиросы, в морозные дни мчался на тройках в шубе нараспашку. После 50-

ти голос Шаляпина стал терять краски и звучность. Иван Бунин вспоминал, как однажды, в Париже, певец, пригласив писателя на завтрак, завел граммофон и «стал ставить напетые им в прежние годы пластинки и слушал самого себя со слезами на глазах, бормоча: – Неплохо пел! Дай бог так-то всякому!» Жаль, что граммофонные пластинки – особенно с годами – всё хуже передают оттенки шаляпинского пения. А всё равно слышно – несравненный артист оперы.



Памятник великому певцу в Москве

Он умирал не только от неизлечимой болезни крови, но и от тоски. Шаляпин уверял друзей: «Живи я сейчас в России, на даче, где пахло сосной, я бы выздоровел». В Париже, весной, 12 апреля 1938 года, он прошептал: «Тяжко мне... Где я? В русском театре? Чтобы петь, надо дышать, а нет дыхания... За что я должен страдать? Я пропадаю». Он столько раз прощался с жизнью на сцене, но эти, последние, слова произнес по-особенному. Тихонько, для себя самого.

После смерти певца в «Известиях» вышел бестактный некролог, который подписал солист Большого театра Марк Рейзен: «В расцвете сил и таланта Шаляпин изменил своему народу, променял Родину на длинный рубль. Все его выступления носили случайный характер. Громадный талант иссяк уже давно». А ведь Рейзен – замечательный бас – всю жизнь не без успеха копировал шаляпинские интонации. Но прошло несколько дней – и газета извинилась «за выражения о творчестве Шаляпина, недопустимые в советской печати». Многие подозревали, что резкость Рейзен не пришлась по душе «лучшему другу музыкантов», и именно Сталин настоял на перемене официального отношения к Шаляпину. О том, что царь русской оперы умер в эмиграции, постарались забыть. В нем снова видели эталон актера и певца. И это навсегда. Кого бы сегодня ни называли «золотым голосом России», Шаляпина заменить невозможно. Он – звезда, которая не погаснет и не потускнеет. Звезда ершистая, вовсе не смиренная, часто несправедливая. Но такие лицедеи рождаются

раз в сто лет. Их игра выше самого образцового театра, Шаляпин можно воспринимать только в одном ряду с Пушкиным, с Мусоргским, с Суриковым...

Быть может, это прозвучит банально, но – только на первую пробу. Уверен: не поняв и не любив искусство Шаляпин, невозможно до конца понять Россию.

Эту книгу написал человек, который знал Шаляпин и понимал, что это за явление, потому что было знаком с тысячами современником великого певца. Он – писатель Лев Никулин – дышал с ним одним воздухом. И потому его свидетельство в сто раз важнее наших измышлений, современных – из XXI века – фильмов и статей, сценариев и пересудов.

*Арсений Замостьянов, заместитель главного редактор
журнала «Историк»*

Голос человека

Весной 1944 года перед закатом солнца два человека сидели на скамье в том живописном месте волжского откоса, откуда видно слияние Оки и Волги. Реки были в полном весеннем разливе, серебряные дали простирались до горизонта, вспыхивали багряным золотом, – это была картина, которую без волнения не может видеть ни один человек: великая река, необъятные просторы русской земли и стены Нижегородского Кремля, венчающие высокий зеленый берег.

Естественно, что мы в эту минуту заговорили о человеке, чья необыкновенная жизнь связана с этим городом и великой рекой, заговорили об Алексее Максимовиче Горьком; вспомнили: именно здесь, на откосе, произошел важный для Горького, для всей его будущей жизни разговор с писателем Короленко...

Когда совсем стемнело, до нас донесся по радио голос и песня того человека, которого так любил и высоко ценил Горький, ценил, как гениального русского артиста... Голос, полный неповторимой прелести и выразительности, проникновенной музыкальности и чувства, голос волжанина, сына этой земли – Федора Шаляпина.

Неизъяснимое волнение охватило нас. По-особенному звучала для нас эта русская песня на волжском откосе в те дни, когда наш могучий народ наступал на врага, гнал его с

советской земли всей своей грозной мощью...

А песня все звучала, и неповторимый голос трогал до глубины души; так мог петь только сын народа, русский гений, Шаляпин.



Молодой Шаляпин

И вспомнилось слово, сказанное о нем Горьким:

«Такие люди, каков он, являются для того, чтобы напомнить всем нам: вот как силен, красив, талантлив русский народ! Вот плоть от плоти его, человек своими силами прошедший сквозь терния и теснины жизни... чтобы петь всем людям о России, показать всем, как она – внутри, в глубине своей – талантлива и крупна, обаятельна...»

Безмерная любовь к родине слышится в этих словах великого русского писателя, любовь к одному из даровитейших ее сынов, положившему много труда во славу русского и мирового искусства.

Он пришел

В 1873 году в семье крестьянина Вятской губернии села Логуновское Ивана Шаляпина родился сын, которого нарекли Федором.

В то время Шаляпины поселились в шести верстах от Казани, в деревне Ометово, потом переехали в город, в Суконную слободу. Иван Шаляпин научился грамоте у сельского пономаря, трудом и упорством добился некоторого образования и служил писцом в канцелярии.

Быт в семье Шаляпиных был схожим с бытом дома Кашириных на Успенском Съезде в Нижнем Новгороде, где провел детство Алеша Пешков, в будущем великий русский писатель Максим Горький.

Дед Алеси Пешкова, «нижегородский цеховой, красильного цеха» Василий Каширин, безжалостно тиранил бабушку, жалевшую и голубившую внука. Отец Шаляпина избивал его мать – добрую русскую женщину. Однажды Федя Шаляпин попробовал защитить мать. Отец жестоко расправился с ним, вытолкнул в одном белье на улицу в двадцатиградусный мороз.

В трезвом виде отец Шаляпина, по свидетельству сына, был тихий, молчаливый, вежливый человек со странностями.

С пожелтевшей фотографической карточки на нас глядит

скуластое лицо сурового, седобородого человека в высокой барашковой шапке, лицо крестьянина, изведавшего лишения, тяжелую трудовую жизнь.

Пил Иван Шаляпин сначала в дни полочки, по двадцатым числам каждого месяца, а потом стал пить каждый день. Запомнились Федору Шаляпину эти двадцатые числа, ожидание возвращения отца из трактира и мать, в страхе ожидающая этого возвращения хозяина дома, кормильца. Быт вокруг был страшный, во всей слободе одни и те же сцены: пьянство, побои, бедность, грызня.

Все же отец Федора Шаляпина понимал полезность ученья, знания грамоты, хотя бы потому, что грамотный мог пристроиться на службу в контору. Федора отдали в приходскую школу. Потом отдали учиться ремеслу: сначала сапожнику, потом плотнику.

«Сколько колотушек я за это время получил, знает один бог», – впоследствии вспоминал Шаляпин.

Однажды взвалили на мальчика тяжелое бревно. Он упал под тяжестью бревна, но не заплакал. «К чему плакать? Завтра ведь все равно заставят таскать такие же бревна».

Сверстники его жили так же, как он, так же, как его, Федора Шаляпина, их отдавали мастеру в ученики. Много лет спустя, уже знаменитый, всемирно известный артист, Шаляпин, приезжая как гастролер в Казань на концерт, встречал измученных тяжелой жизнью людей, своих товарищей из Суконной слободы.

Откуда же в этом суровом быту могла пробудиться в мальчике любовь к искусству?

С детских лет он наблюдал, как труженики находили утешение в песне, в песне рассказывали о своем горе. Женщины под жужжание веретен пели о белых пушистых снегах, о девичьей тоске, о лучинушке, жалуясь, что она неясно горит. «А она и в самом деле неясно горела...» – вспоминает Шаляпин свое детство, бедную избу, тусклый огонек лучины.

Так родилась в Федоре Шаляпине любовь к песне.

Народные песни были и первой школой пения. Народ пел о своей горькой судьбине, и естественно, пел и подросток Шаляпин. Хотелось петь так, чтоб хватало за душу, но люди, считавшие себя знатоками, находили голос мальчика необработанным.

Неотразимое впечатление на Шаляпина произвели уличные артисты, и прежде всего клоун Яков Мамонов – «знаменитый паяц Яшка».



Федор Шаляпин

Люди старшего поколения помнят балаганы на Масленой неделе и просто уличных комедиантов, выступающих во дворах на потертом коврике, эти детские воспоминания обычно сохраняются надолго, если не навсегда.

«Очарованный артистами улицы, я стоял перед балаганом до той поры, что у меня заоченели ноги и рябило в глазах от пестроты одежды балаганщиков.

– Вот это – счастье, быть таким человеком, как Яшка! – мечтал я.

Все его артисты казались мне людьми, полными неисто-

щимой радости; людьми, которым приятно паясничать, шутить и хохотать...» – такими были детские впечатления Шаляпина.

Ученье у плотника кончилось, Федя Шаляпин знал грамоту и поступил на службу в ссудную кассу «Печенкин и компания», потом в счетную палату на должность переписчика. Получал восемь рублей в месяц. Потерял важную бумагу – выгнали. Служил переписчиком и в духовной консистории.

«Мне было двенадцать, когда я в первый раз попал в театр. Шла пьеса с пением – «Русская свадьба». Второй пьесой, которую я видел, была «Медея». Она заставила меня громко рыдать», – вспоминал Шаляпин.

Можно вообразить себе театр в Казани в те времена и актеров того времени. Сомнительно, чтобы все артисты были на высоте, но первое знакомство с настоящим театром произвело огромное впечатление.

«Театр свел меня с ума, сделал почти невменяемым... Дома я рассказывал матери о том, что видел, – меня мучило желание передать ей хоть малую частицу радости, наполнявшей мое сердце...

Мне особенно хотелось рассказать ей о любви, главном стержне, вокруг которого вращалась вся приподнятая театральная жизнь. Но об этом говорить было почему-то неловко, да и я не в силах был рассказать об этом просто и понятно: я сам не понимал, почему это в театре о любви говорят так красиво, возвышенно и чисто, а в Суконной слободе лю-

бовь – грязное, похабное дело, возбуждающее злые насмешки; на сцене любовь вызывает подвиги, а в нашей улице – мордобой? Что же, есть две любви? Одна считается высшим счастьем жизни, а другая – распутством и грехом?

Разумеется, я в то время не очень задумывался над этим противоречьем, но, разумеется, я не мог не видеть его, уж очень оно било меня по глазам...»

В этих воспоминаниях Шаляпина открываются нам печальные картины жизни и быта, которые с такой силой и гневом потом рисовал нам Горький.

«Это было тяжелое для меня время. У меня мелькали даже мысли о самоубийстве. Теперь я с радостью оглядываюсь на это тяжелое время, потому что страдания – лучшая школа для науки о том, как нужно жить», – вспоминал позже Шаляпин.

Как мы увидим впоследствии, страдания в юности не научили артиста, «как нужно жить», но, несомненно, тяжкая жизнь отразилась на его характере.

В Казани же произошло первое соприкосновение пятнадцатилетнего Шаляпина с искусством. Он – статист в театре, кричит «ура» в честь Васко да Гама в опере Мейербера «Африканка». В летнем саду, в драматическом театре он исполняет свою первую роль – жандарм Роже во французской мелодраме «Бандиты». Шаляпин должен был играть неуклюжего, неловкого парня.

«Я онемел от восторга... Но когда я вступил на сцену, то

почувствовал невыразимый страх. Я неловко подошел к рампе, хотел что-то сказать, сделал жест, но от испуга я как бы лишился голоса и остался на месте с открытым ртом. Момент был трагический. Публика потеряла терпение... Пришлось опустить занавес. Меня после этого случая с позором выгнали».

Потом Шаляпин сыграл Держиморду в «Ревизоре». Жизнь была не сладкая, но все же привлекательнее жизни писца в ссудной кассе или в духовной консистории.

После первых, не слишком удачных дебютов на сцене Шаляпин выступает в концерте вместе с фокусниками. Выступает как чтец-декламатор, читает Некрасова, в середине чтения останавливается, мрачно произносит: «Забыл» и уходит с эстрады. Смех и аплодисменты. Шаляпин возвращается, читает сначала и опять замолкает, улыбается и опять то же: «Забыл». Публика смеется, хлопает – какое-то обаяние есть в этом долговязом, нескладном парне. Вот и все лавры, но зато терний сколько угодно.

От голода подводит живот, нет крова. Шаляпин сходится с бродягами, босяками, пьет с ними водку и поет им. Бродяги слушают и хвалят:

– Хорошо поешь, черт тебя дерит...

Мечта о том, чтобы стать артистом, не оставляет Шаляпина. Вспоминая «паяца Яшку», уличного актера, он говорит: «...может быть, именно этому человеку, отдавшему себя на забаву толпы, я обязан рано проснувшимся во мне интере-

сом к театру, к «представлению», так не похожему на действительность».

– В дворники надо идти, скважина, в дворники, а не в театр. Дворником надо быть, и будет у тебя кусок хлеба, скотина! А что в театре хорошего? – наставляет Федю отец.

«Скважина» – эту обидную кличку отец почему-то придумал для сына.

В летнем театре в Казани Шаляпин познакомился с артистами, они советуют ему попробовать себя в опере. Антрепренер Семенов-Самарский собирает труппу для Уфы. Шаляпина принимают в труппу, жалованье пятнадцать рублей в месяц. Случай помогает Шаляпину выдвинуться. Заболел артист, партия столбника в «Гальке» поручена Шаляпину. Успех!

«Мне аплодировали. Этот первый успех так подействовал на меня, что я убежал, споткнулся и растянулся во всю свою длину. Аплодисменты смешались с хохотом, и я еле добрался до своей уборной... Второе мое выступление было в «Трубадуре», в роли Фердинанда».

Антрепренер прибавил Шаляпину пять рублей жалованья и назначил «бенефис», который актеры называли «артистическими именинами». В свой первый бенефис Шаляпин пел Неизвестного в «Аскольдовой могиле».

«За это я получил восемьдесят пять рублей и серебряные часы. Это было самое счастливое время моей жизни».

Кроме часов, Шаляпин завел кожаную куртку на красной

байковой подкладке. В таком виде он вернулся после своего первого театрального сезона к родителям, которые к тому времени переехали в Самару. Но после успеха в Уфе – снова незавидное существование, бродячая жизнь, переписка казенных бумаг.

Печально сложилась жизнь родителей Шаляпина.

В книге «Страницы из моей жизни» Шаляпин описывает свое возвращение после Уфы.

«Из окна я увидел, что во двор вошла мать с котомкой через плечо, сшитой из парусины, потом она явилась в комнате, радостно поздоровалась со мной и, застыдившись, сняла котомку, сунула ее в угол.

– Да, – сказал отец, – мать-то по миру ходит!»

Оставить навсегда театр Шаляпин все же не может, он бросает переписку бумаг и поступает в «малороссийскую труппу» антрепренера Любимова-Деркача.

Ему положено жалованье двадцать пять рублей в месяц. Были и другие доходы. Сохранилась расписка: «За участие в любительском спектакле получил десять рублей. Федор Шаляпин».

Отец и сын снялись у фотографа. Сын – в модном по тому времени коротком пиджаке, светлосерых штанах, галстук – пластроном. Во всем претензия на шик. Он уже профессиональный актер.

В 1891 году в Баку Шаляпин оставляет «малороссийскую труппу» Любимова-Деркача. Впоследствии знаменитый ар-

тист Шаляпин будет вспоминать о голодных днях юности; лицо его озарится улыбкой, когда он вспомнит, как он и его товарищи из «малороссийской труппы» варили кулеш на берегах Волги.

Тысяча восемьсот девяностый год считается началом артистической деятельности Шаляпина. Но это не означает, что с той поры великий артист шествует по розам. Из «малороссийской труппы» судьба приводит Шаляпина во французскую опереточную труппу Лассаля. И это предприятие тоже кончилось крахом. После оперетты Лассаля Шаляпин буквально очутился на мостовой. Он был в Баку грузчиком, таскал кули с пристани на вокзал. Ютился в трущобах, по счастливой случайности уцелел от свирепствовавшей холеры.

После Баку – Тифлис и труппа некоего Ключарева. Антрепренер прогорел, и Шаляпин снова без пристанища.

Юноша видел Тифлис официальный, столицу «наместника его величества» на Кавказе. Со времен Воронцова двор наместника копировал этикет и традиции царского двора. Бездомному человеку даже опасно было пройти по Дворцовой улице, где у подъезда дворца стояли на часах конвойные казаки в синих черкесках с саблями наголо.

И другой Тифлис – район Сололаки. Там особняки армянских богатых фамилий, соперничавших в роскоши с разоряющимися грузинскими аристократами.

Наконец, простонародье, заполнявшее майдан, спорив-

шее и кричавшее чуть не на двадцати языках и наречиях. Соблазнительные запахи неслись из духанов, на улице жарили шашлыки, из погребов пахло вином, и над всем этим палящее солнце и сияющее южное небо.

Под этим небом бродил юный Федор Шаляпин, отощавший от нужды, не имевший крова.

– За что мне любить людей? – гневно сдвигая брови, говорил впоследствии Шаляпин. – Не за что мне их любить.

Так он говорит потом, на вершине славы, и при этом забывал человека, который претерпел и похуже того, что терпел он, Шаляпин. Сидел этот человек и за решеткой в Метехском замке, в Тифлисе, тюрьмы и трущобы были его университетами. Но Максим Горький сохранил великую любовь к людям, к человеку, – Шаляпину не хватало этого сильного, всепоглощающего чувства.

Между тем на своем пути он встречал сочувствие и заботу добрых людей в самые тяжкие минуты его жизни. В Тифлисе у Шаляпина были мгновения, когда он хотел покончить жизнь самоубийством. Решил прицениться в оружейном магазине к револьверу, попросить зарядить как бы для пробы и тут же выстрелить себе в лоб. Потом оставил эту мысль, долго стоял на мосту над Курой и глядел в быстро несущиеся воды... вниз головой с моста. Шаляпина спас от голода, и может быть и от самоубийства, хорист оперы итальянец Понте.

Через семнадцать лет после тифлисских бедствий Шаляпин пел в этом городе, и «весь Тифлис», то есть – намест-

ник и военные, и гражданские власти, аристократия финансовая и родовая, аплодировал тому человеку, который у них же здесь почти умирал от лишений.

И, может быть, громче всех аплодировал Шаляпину тот самый рецензент, который в 1893 году в газете «Новое обозрение» писал о Шаляпине следующие строки:

«Голос небольшой, не имеет достаточной густоты, особенно в нижних регистрах...»

Тифлиссские злключения, лишения и страдания продолжались, но здесь Шаляпин нашел своего первого и единственного учителя пения, оперного артиста Усатова.

В то время в Тифлисе публика посещала Пушкинский сад, увеселительное место, привлекавшее зрителей русским хором. Шаляпин выступал в хоре в качестве хориста, получал пятьдесят копеек – вечеровую плату. Дмитрий Андреевич Усатов однажды посетил Пушкинский сад, обратил внимание на хориста с прекрасным голосом и пошел за кулисы, даже не дождавшись антракта. Он предложил Шаляпину учиться пению, притом бесплатно. Шаляпин принял это предложение довольно равнодушно и ответил:

– Где учиться, когда нечего жрать.

Усатов не только обучал Шаляпина пению, но поселил его у себя и подкармливал голодного ученика.

Постановка голоса у Шаляпина оказалась природная, но Усатов обращал особое внимание певца на выразительность пения, учил его понимать смысл произносимых слов и чув-

ства, которые вызвали именно эти слова, а не другие. Об этом человеке Шаляпин сохранил добрую память.

Шаляпин писал об Усатове:

«Он пробудил во мне первые серьезные мысли о театре, научил чувствовать характер различных музыкальных произведений, утончил мой вкус и – я в течение всей моей карьеры считал и до сих пор считаю самым драгоценным – наглядно обучил музыкальному выражению исполняемых пьес».

Усатов требовал от учеников то же, что требуют до сих пор преподаватели пения. Через много лет его ученик с благодарностью вспоминал о методе преподавания Усатова:

«Точно так же, как смычок, задевая струну, не всегда порождает только один протяжный звук, а благодаря необыкновенной своей подвижности на всех четырех струнах и подвижные звуки, – точно так же и голос, соприкасаясь с умелым дыханьем, должен уметь рождать разнообразные звуки в легком движении. Нота, выходящая из-под смычка или пальца музыканта, будет ли она протяжной или подвижной, должна быть каждая слышна в одинаковой степени. И это же непременно обязательно для человеческого голоса. Так что уметь «опираться на грудь», «держаться в маске» и т. п. значит уметь правильно водить смычком по струне, дыханьем – по голосовым связкам».

Усатов развил вкус Шаляпина, на примере показывал ему различие между итальянской оперной музыкой и русской. Он пояснял молодому певцу, что Мусоргский сумел в диа-

логе двух парней в народной сцене «Бориса Годунова» изобразить музыкально два характера:

– Митюх, а Митюх, чего орем?

Митюх отвечает из толпы народа:

– Вона, почем я знаю...

И Шаляпин как бы воочию видел лица этих парней, одного озорного, чуть подвыпившего, а другого – увальня.

В Тифлисе, в кружке любителей оперного искусства, Шаляпин пел сцены из «Бориса Годунова». Это была первая встреча артиста с гениальным творением Мусоргского, и она произвела на него неизгладимое впечатление.

«...я вдруг почувствовал, что со мною случилось что-то необыкновенное, я вдруг почувствовал в этой странной музыке нечто удивительно родное, знакомое мне. Мне показалось, что вся моя запутанная, нелегкая жизнь шла именно под эту музыку, она всюду сопровождала меня, живет во мне, в душе моей и – более того – она всюду в мире, знакомом мне...»

И все же не сразу Шаляпин постиг, как должно исполнять Мусоргского, он все еще сомневался, где истинно прекрасное – в арии герцога в «Риголетто» Верди:

«La donna e mobile...»

Или:

«Как во городе было во Казани?»

Эти сомнения, рассказывал он, мучили его до бессонницы.

Поклонники Шаляпина спорили о том, в каком городе, Москве или Петербурге, Шаляпин создал лучшие из своих оперных партий. Но бесспорно одно: блистательный путь Шаляпина, оперного певца, начался в Тифлисе. В Тифлисе Шаляпина приняли в казенную оперу, там он впервые спел большие партии в «Сказках Гофмана», в «Демоне».

21 января 1893 года корреспондент столичных газет писал из Тифлиса: «Лучший из басов тифлисской оперы – г. Шаляпин. Это – артист-самородок, вышедший, что называется, из «толпы»... если он не остановится на пути своего артистического развития, увлекшись легко доставшимися лаврами, то в недалеком будущем он будет занимать одно из первых мест в ряду выдающихся артистов».

Зал «казенного» тифлисского театра видел знаменитых певцов того времени, но более всего старожилы гордятся тем, что здесь начал свой триумфальный путь артист из «толпы» – Федор Шаляпин. В 1910 году, когда автору этих строк довелось жить зиму в Тифлисе, было еще много таких старожилых, которые с восхищением вспоминали оперу в «казенном» театре и юного Шаляпина.

Из Баку в Тифлис Шаляпин приехал без гроша, на платформе с песком. Из Тифлиса он уехал с комфортом, по бесплатному билету железнодорожного служащего. Билет устроили ему поклонники и даже снабдили форменной фуражкой и курткой железнодорожника, чтобы не придрался контролер.

Усатов вручил Шаляпину рекомендательное письмо, адресованное управляющему Московской конторой императорских театров. Шаляпин передал через вахтера письмо и два часа ждал ответа. Затем вахтер вышел и сообщил, что «ответа не будет». Понятно, почему Шаляпин в годы своей славы не питал особых симпатий к чиновникам императорских театров и испортил немало крови этим господам.

Еще в Тифлисе Шаляпин встречается с дирижером Труффи, самым почитаемым им из дирижеров. И впоследствии, в Петербурге, Труффи помогает Шаляпину в его первых шагах на столичной оперной сцене.

1894 год. Антрепренер Лентовский набирает оперную труппу и приглашает Шаляпина на летний сезон в Петербург.

Начинается ранний петербургский период жизни Шаляпина.

Оперная труппа Лентовского выступала в летнем театре сада «Аркадия», в Новой деревне. Но близость Островов – любимого места гулянья петербуржцев – отвлекала публику, и сезон был неудачным, к тому же и лето было дождливое. В письмах, которые писал Шаляпин своим тифлисским друзьям, он с юмором описывал свое жилье на даче в Новой деревне, протекающий потолок в своей комнате и свою наружность, костюм – «спинжак» и «пьедесталы», т. е. брюки. В этих же письмах замечаются некоторые следы самообразования, молодой Шаляпин даже читал Шопенгауэра и порой,

в своих письмах, для шика его цитировал. Одно из его писем написано довольно гладкими стихами, в нем описывается полуголодная жизнь артиста, в духе «Богемы» Мюрже.

Но вот наступила зима...

– Откуда у вас сие? – спросила у Шаляпина великая русская артистка Ермолова, после того как увидела и услышала его в «Псковитянке» и была восхищена дарованием певца.

– Из «Пале», – загадочно ответил Шаляпин.

– Из какого «Пале»?

В этом ответе Шаляпина была целая глава его удивительной биографии.

В гостинице «Пале-Рояль», на Пушкинской улице в Петербурге, жили артисты. Там жил и знаменитый в те времена актер Мамонт Дальский, «беспутный гений», «русский Кин», как его называли. Шаляпин, начинающий оперный артист, прижился в «Пале» и пленился талантом Дальского.

Дальский привлекал Шаляпина талантом, искренностью переживаний, глубоким знанием законов сцены и вдохновенным исполнением ролей классического репертуара. Тогда Дальский был еще сравнительно молод, он еще не отяжелел и беспутная жизнь не отразилась на его блестящем таланте.

Русский актер Дальский, который был велик в образах Шекспира и Шиллера, великолепно носивший костюм Отелло, маркиза Позы, принца Гамлета, Дальский – Белугин, Незнамов, Парфен Рогожин (в инсценировке романа Досто-

евского «Идиот»), поразил юношу, которому до того времени не случилось видеть на сцене такое яркое и разнообразное дарование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.